

Гришин Константин

18+

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

Life must go on

# Гришин Константин

## Life must go on

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=51864490](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864490)*

*SelfPub; 2021*

### **Аннотация**

Что вы ежедневно делаете со своей жизнью? Просыпаетесь, принимаете душ, пьёте кофе, читаете новости. Идёте туда, где быть не хотите, чтобы скорее вернуться в место, откуда хочется уйти. Изю дня в день тратите часы на "важные" дела, которые, если останутся невыполненными, то никому хуже не будет. Размениваете молодость на пустоту, чтобы в старости было что вспомнить. И очень часто вас посещает желание всё изменить, да вот день нужный ещё не настал. А теперь представьте, что этот день последний...

Содержит нецензурную брань.

# Содержание

В начале	4
Жизнь	8
1	8
2	15
3	22
4	28
5	36
6	47
7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

# Гришин Константин

## Life must go on

### В начале

Можно ли купить этот мир без остатка, со всем его содержанием и со всеми на нём проживающими организмами? Если да, то какова цена? Быть может цена огромная, раз мир до сих пор официально не продан, и тогда в какой валюте он должен продаваться? В евро? В долларах? Фунтах? Юанях? Рублях? И вообще, разве деньги это единственное мерило стоимости?

А как же бесценные вещи, такие как Эйфелева башня или «Джоконда» Леонардо да Винчи? Их присутствие доказывает, что и материальный мир за деньги целиком купить невозможно. Но разве неподкупность бесценных творений доказывает то, что они стоят чего-либо? Попробуйте доказать человеку, который со дня на день умрет от туберкулёза, что Колизей в Риме – это ценность.

Однозначно, этот мир купить невозможно, и не потому что расплата за него слишком большая, а потому что она слишком не однозначна. В одном месте этот мир стоит денег, в другом месте он стоит простой детской улыбкой, что-то продается за хорошую музыку, а где-то невозможно расчи-

таться нечем другим, кроме как поцелуем с языком.

Спросим непосредственно у себя самого, что имеет наибольшую ценность? Или может быть настоящая ценность не «что», а «кто»? Попробуй сейчас ответить на эти вопросы. Ответил? Думаешь ты прав? Автор почти уверен, что ты абсолютно прав, так как твои ценности никого другого не касаются. Если они действительно твои, значит они правильные. Единственное что автор может с огромной уверенностью сказать про собственный выбор, так это то, что он изменится. Изменится со временем, изменится после переезда в новые места, изменится под воздействием внешних факторов, изменится обязательно. Человек мертв, если не меняется со временем. Конечно возможно исключение, если индивидуум в преклонном возрасте и уже отложил деньги на похороны, и, не обращая ни на что внимание, смиренно ожидает смерти, хотя вряд ли такого человека можно причислить к живым.

Возвратимся к вопросам о ценностях жизни, чтобы упомянуть ещё один аспект данного вопроса, а именно наличие в этом мире людей, не знающих ради чего им стоит жить, людей лишенных ориентиров в жизни. Это воистину ужасная судьба, которая может достаться каждому. Просто в один прекрасный момент некоторым стоит трезвым умом задуматься ради чего они живут и к чему в результате придут, чтобы понять, что живут они зря, живут просто так, чтобы переработать кислород в углекислый газ, а напоследок оста-

вить после себя горстку удобрения. Одним из таких несчастных был Маркус. В разгар летней ночи этот двадцати семилетний мужчина катался на своём BMW X5 по дорогам огромного города, зараженный бессонницей. Улицы были по большей части безлюдны. Наступивший мрак преклонялся перед полной луной, от чего вокруг было светло и ясно. Городские строения обволакивала серебристая дымка с редкой рябью. День до этого выдался жарким, в связи с чем ночь была раскаленной.

Маркус являлся очень интересным для изучения индивидуумом. Его особенность была в том, что он был нейтрален ко всему. Всю свою жизнь, сколько он себя помнит, он всегда был ко всему безразличен. Он до сих пор, никогда не влюблялся. Ему никогда не нравилась его работа, в прочем и не раздражала. Он ни к чему никогда не стремился с остервенением. Он не был фанатом какой-нибудь рок группы, футбольной команды, политического деятеля. Абсолютный ноль по шкале эмоциональности. Ни любви, ни ненависти. Сплошная черствость, цинизм и неосознанные механические действия, которые требовало от него общество. Однако, этим поздним вечером Маркус лёг спать в своей уютной четырехкомнатной квартире, но так и не заснул. С ним приключилось извечная причина начала любой грусти, к нему явились мысли. Собственные мысли. Сначала он стал размышлять о безобидном, о плане на завтрашний день, ему вдруг стало необходимым чем-либо себя озадачить, что-то

совершить, куда-то податься. И уже после этого Маркус стал размышлять о том, что же для него наиболее важно, в чем он видит ценности этой жизни? Так и не найдя ответа на эти сложные вопросы в постели, он встал со своих шелковых простыней, собрался на ночь глядя, отправился на подземную парковку, откуда выехал на дороги родного города. Размышления привели его в движения, заставили не останавливаться на месте. Маркус просто проезжал одну улицу за другой, останавливался на красные огни светофоров, сворачивал на случайно выбранных перекрестках в случайное направление. Под гнетом бессонницы он, глядя через переднее, едва затемненное окно машины, видел картину мира так, словно не был деталью этой картины, словно он на экскурсии разглядывает чье-то творение. В эту странную для него ночь, спустя двадцати семи лет после рождения, Маркусу казалось, что он впервые видит и осознает настоящий мир.

И так продолжалось несколько часов, пока в бок его машины на приличной скорости не врезался старенький красный седан. От столкновения BMW развернуло и выкинуло на тротуар, где в это время надо было прогуливаться пожилого возраста мужчине. Каркас машины Маркуса поприветствовал пешехода глухим звуком, символизирующего удар с человеческой плотью.

# ЖИЗНЬ

## 1

Итак, наступает конец света. Наступает то, о чём так долго и безрезультатно многими предсказывалось чуть ли не каждый год. В этот раз его предсказали астрономы какой-то немецкой обсерватории за год и три месяца до. И не просто предсказали, а доказали грядущее событие: фотографии, алгоритмы, сведения высоко инновационных вычислительных машин. Исходя из их данных, траектория астероида, диаметром семь километров триста шестьдесят восемь метров, вскоре совпадет с траекторией нашей планеты, что приведёт к неминуемому истреблению цивилизации.

В то время простые люди не стали слушать астрономов всерьёз, хотя об их невесёлом открытии рассказали по телевизору в новостях в сорока шести странах мира. Рассказали по радио. Информация о конце света стала доступна всем желающим в интернете. Но простые люди: ирландцы, французы, сибиряки, флорентийцы и все другие кого предупреджали, в конец света не верили, ведь все-таки двадцать первый век на дворе, люди стали образованными, их уже не запугаешь такими нелепыми байками.

А вот люди около космической сферы заинтересовались

представленными немецкими учеными доказательствами. Проверили их в течении нескольких недель, и оказалось всё верно. Не дать, не взять летит армагеддон из холодных глубин космоса. Проверенную информацию сильные мира сего сразу же засекретили, не зачем нервы простых граждан лишний раз тревожить. Да и что было бы, если бы до простых граждан дошла достоверность конца света? Началась бы паника, анархия, коллективное бессознательное шествие, не исключено что начались бы войны, как гражданские так и мировые, терять-то ведь всем всё равно уже нечего. Уж это-то точно не помогло бы спастись человечеству, а так, под грифом секретно, самые умные из людей придумывали как избежать конца.

В многих лабораториях по всему миру столпотворения ученых день ото дня только и жили тем, что спасали мир. За все время, которое у них осталось, чего они только не выдумали для того чтобы изменить траекторию астероида. Конечно самый простой способ был атаковать астероид ядерным оружием. Это был самый быстрый и легко достижимый способ.

Помимо этого было предложено отправить на орбиту астероида огромный корабль, который обладал бы значительной силой притяжения, и смог бы тем самым сделать тоже самое, что и ядерное оружие, а именно изменить траекторию полета астероида. Но такой способ отвергли из-за неимения под рукой такого космического корабля.

Поступала гипотеза о развертывании около земли космической станции с системой исполинских линз, направлявших бы на астероид солнечную энергию, и тем самым создавали бы тягу в результате сильнейшего испарения веществ на поверхности астероида. Но как и огромного корабля, так и космической станции с огромными линзами в этот момент не было в распоряжении ученых.

Так же рассматривался вариант отправить на астероид несколько ракет, которые должны были пристыковаться к нему, и вытолкнуть его с данной траектории. Данная технология доступна, но при этом она тяжело осуществима. Слишком много тонкостей необходимо было осуществить, а это всегда огромный риск.

Ещё один вариант со стыковкой с поверхностью астероида, это отправить на него тяжелым и массивный предмет, который стал бы балластом, изменившим центр тяжести пресловутого астероида. Но после выполнения нехитрых для гениальных американских физиков вычислений, постановили, что требуемый балласт должен весить столько, сколько человечество пока не в состоянии вывести в космос.

И это ещё далеко не конец перечня поступивших вариантов. Ионная пушка, испепеляющая астероид, которую возможно построить, но лет так через двадцать, тридцать. Создание искусственной атмосферы, в которой возможно сгорит объект всех бед. Нанооружие, генерирующие твердую материю на пути астероида, и тем самым отклоняя его в

сторону от земли. Разогнать нашу планету, чтобы она ловко увернулась от приближающегося конца света. Посылать огромную энергию на ход небесного тела, чтобы развернуть его в спясть. Вариантов было много, как исполнимых, так и полностью бредовых.

Из всего предложенного остановились на первом варианте – бомбардировка астероида ядерным оружием. Но взрывы требовалось устраивать не на поверхности цели, а на пути, чтобы не разрушить огромный астероид на множество мелких обломков, которые так же не сулят нашей планете ничего хорошего. Высвобождаемая ядерная энергия обязана была вытолкнуть с заданного маршрута астероид целым и невредимым. Перед началом бомбардировки это было ясно всем участникам операции, как белый день.

За одиннадцать месяцев до катастрофы небывалое доселе содружество государств потратило огромную часть налогов своих граждан на то, чтобы собрать сотни ядерных зарядов в нескольких условных местах и преступить к осуществлению плана по спасению земли. Выдаваемые как интернациональные глобальные учения по отражению теоретического космического армагедона, за два дня в космос устремилось сто двадцать девять ракет. Такое массовое, всепланетное действие оповещалось в новостях как апогей человеческих взаимоотношений. До этого момента люди только убивали друг друга с тем же размахом, но уж точно не сотрудничали. Миллиона людей только и говорили о том, какое же

все-таки это огромное достижение.

Если учесть, что официально армагедон был объявлен теоретическим, то тогда план удался. Все молодцы, все справились, все люди на планете дружны и едины. Но те немногие, которые знали о том, что армагедон очень даже реален, рвали на головах волосы, когда их план пошел не так, как им хотелось.

По плану тех, кто спасал землю на самом деле, ракет должно было быть чуть ли не в два раза больше, и стартовать они должны были на протяжении четырех дней, но сто девятая ракета с ядерным зарядом из-за отказа оборудования не взорвалась рядом с астероидом, она продолжила движение и врезалась прямо в него, на нём же детонировав, тем самым раскромсала его на три куска, продолжавших свой путь в недрах космоса. Из-за данного обстоятельства запуск остальных ракет с земли приостановили, так как траектория полета трёх частей астероида лихо изменилась в сравнении с прежними данными и неизвестно стало где теперь взрывать ракеты, и нужно ли это делать, но на тот момент в небо уже поднялись двадцать ядерных зарядов, которые по-прежнему летели взрываться в заданное ранее место, и надо отметить, что свою задачу они выполнили безукоризненно. Некоторые взрывы прогремели в непосредственной близости от оставшихся частей астероида, тем самым раскромсав их на ещё большее количество небесных тел. Часть зарядов взрывалась не контактируя с обломками напрямую, но все же из-

меняя их траекторию. Последние ракеты взрывались уже позади астероидов, отчего, при помощи взрывной волны, скорость движения последних значительно возросла. В итоге изменившейся траектории и скорости движения, из образовавшихся семнадцати кусков астероида, девять продолжили свой путь в сторону земли, и вместо одиннадцати месяцев до конца света осталось трое суток, ведь именно через это время самый большой обломок диаметром три километра четырёхста пятьдесят шесть метров должен был столкнуться с землёй. Из восьми оставшихся астероидов, направлявшихся в сторону Земли, семь прилетали раньше конца света, и только один позже. Но все они почти никого не волновали, так как были слишком малы и способны только на то, чтобы разрушить город, что конечно ужасно в обычный день, но во время всеобщего конца света терпимо. А уж про последний обломок астероида вовсе никто и не думал.

За неполные сутки эта информация стала известна всему миру, и вот тут-то началось оно, всепланетный шок перетекающий в помешательство. С каждым часом всё больше скептиков во всех уголках мира соглашались с фактом о неминуемой гибели. Те самые умные люди, из-за действий которых апокалипсис резко приблизился, напрягли по максимуму свои умы, чтобы как в американских фильмах что-нибудь придумать в самом конце, но всё получилось, как в жизни – ничего не придумали. Сильные мира сего затряслись от страха из-за собственной слабости. А вот простые

люди пустились во все тяжкие, вспомнив наконец о самом главном. Кто-то вспомнил про своих родителей, кто-то про своих детей, кто-то вспомнил про свои финансовые сбережения, которые накапливались в течении всей сознательной жизни, а те у кого таких сбережений не было, а таких людей было большинство, занялись крошечным мародерством, чему в принципе никто не мешал.

Вернемся же к представленному ранее герою этой истории – Маркусу. Он проживал в городе, которому суждено было попрощаться с существованием ранее остального света, так как один из обломков пресловутого астероида по прогнозам незадачливых учёных падал именно в этой области, почти на сутки раньше того самого обломка, который поставит точку в повествование человечества. Данное обстоятельство влияло на людей по разному. Кому-то становилось не по себе от преждевременной кончины, и тогда эти отчаянные уезжали из города, покидая свои дома ради ещё одних суток жизни. Кто-то относился нейтрально и считал, что ради двух десятков часов не стоит лишний раз беспокоиться. А были также и те, кто приезжал в этот город, чтобы поскорее покончить со всем. Люди видите ли разные бывают.

В тот момент, когда Маркус попал в аварию, городу и оставшимся в нём жителям отводилось времени чуть более суток.

## 2

По пришествию шокового состояния, возникшего в результате неожиданности момента, Маркус наконец-таки отклеил от руля руки. Он явственно слышал, как был сбит пешеход, но при этом не чувствовал никакой ответственности и волнения. «Какая разница умереть ли человеку сейчас или завтра с утра вместе со всеми?» – размышлял Маркус, нехотя выходя из комфортного автомобиля, чтобы хотя бы ради приличия осмотреть несчастного.

Несчастливым оказался пожилой мужчина, от удара отлетевший с тротуара на газон. Столкновение не было столь серьезным, как виделось Маркусу, пока BMW выписывало развороты на проезжей части, оно потеряло огромный запас скорости, так что невзирая на страшный звук соприкосновения машины и человека, пожилой мужчина самостоятельно смог принять сидячее положение, вытянув ноги по зеленой траве.

Первое, о чем подумал Маркус, было: «Лучше бы ты помер старик, а то придется теперь выслушивать твои реплики!». Но старец молча сидел и беспристрастно глядел мимо Маркуса, придерживая второй рукой ушибленный локоть. Маркус не знал, как реагировать на это спокойствие, он ожидал совсем другой реакции, из-за чего предпринял совсем не свойственные для себя действия, он подошел к пострадав-

шему и предложил помощь:

– Давайте вашу руку. – сказал Маркус, протянув свою, и добавил, – Раннее утро не самое подходящее время для того, чтобы сидеть на росистой траве.

После этих своих заботливых слов, Маркус смутился ещё больше, ведь он совсем недавно расстроился из-за того, что этот человек не помер, а ещё раньше не растрогался, думая о его смерти. Старик словно почувствовал, о чем думает человек перед ним, и спросил:

– Если бы я умер, вы бы переживали?

Маркуса огорошил такой прямолинейный вопрос, и потому он не менее прямолинейно ответил:

– Нет.

После ответа старик взял протянутую ему руку помощи и медленно, с характерным для его возраста кряхтением, поднялся с земли, от росы его брюки были мокрые в местах соприкосновения с травой.

– Твою мать, ты что придурок совсем спятил!? Скотина, мать твою! – раздался дикий вопль разъяренного мужчины за спинами двоих персонажей.

То был водитель красного седана, мужчина лет двадцати пяти уже с вздутым пивным животом и проплешиной на затылке. Его машина, влетев в заднее крыло BMW, изрядно пострадала. Находившиеся в седане люди получили ушибы болезненнее, нежели Маркус. Не столько из-за самого себя, сколько именно из-за пассажира переживал водитель крас-

ного седана.

– У меня в машине беременная жена, урод! – кричал он, брызгая слюной.

На его крики обернулись Маркус и сбитый старик. Они вдвоем оставались во многом равнодушными, так как старик сам был жертвой аварии, и грозные крики предназначались не для него, а Маркус попросту всегда был ко всему равнодушен.

Приблизившись вплотную к ним обоим, водитель красного седана злобно окинул обоих взглядом, и потом перевел взгляд на Маркуса.

– Ты что, сука, не мог подождать на красном сигнале?

– Сегодня такой день, что времени особо нет для того, чтобы тратить его на ожидания. – Ответил за Маркуса старик, чем привлёк внимание двоих мужчин.

– Старик, ты бы не вмешивался, пока я буду иметь этого козла! – не замечая своих криков, почти истерически провозгласил разгневанный мужчина.

– И уж тем более не стоит ругаться ни с кем, ведь это самое мерзкое времяпрепровождение. – продолжал старик.

– Если с моей женой что-нибудь случилось, то я не буду с тобой ругаться, – накинулся на Маркуса мужчина, схватив того за складки одежды на груди, – я тебя изувечу, мразь!

– Со мной всё в порядке, – вмешалась пострадавшая жена, которая поспешила успокоить разгневанного мужа, – и с ним тоже. – Добавила она, держа обеими руками огромный живот

женщины на девятом месяце беременности.

Ласковый голос жены повлиял на мужа, как успокоительное. Он отпустил Маркуса, но продолжал глядеть на него в упор исподлобья.

– С тобой точно всё в порядке? – попрощавшись с криком, обратился он к матери своего будущего ребенка.

– Ну конечно же, дорогой. – она, тяжело шагая, приблизилась к кругу мужчин, чтобы обратиться к Маркусу, – Вы его извините, просто он очень хочет стать отцом, а в связи с сложившимися обстоятельствами, он сильно нервничает.

Не так давно разгневанный мужчина отошел в сторону и облокотился рукой об BMW Маркуса, он опустил голову и закурил, стараясь успокоиться. Его глаза намокли при упоминание о конце света.

– Мужчины беременных женщин переживают не меньше самих женщин. – устало улыбнувшись, изрекла она, все так же обращаясь к Маркусу. – Мама говорила, что во время моих родов, папа от волнения и долгого ожидания позеленел.

– Сущая правда! – подтвердил старик, – У меня у самого и дети, и внуки. Каждый раз берешь на руки малыша, как в первый раз. Ни что не способно сравниться по своей значимости с рождением новой жизни.

– А как же всеобщий конец света! – подметил Маркус, – Как по мне так это намного значимее.

– Верно говоришь. – согласился с ним будущий отец, с покрасневшими от слез глазами вернулся, он к собравшейся

компании – Всеобщий конец света-вот что важно! Что проку от меня, как от отца, если я не в силах спасти своего ещё не родившегося мальчика! Я последние пол года не вылезал с двух работ, чтобы обеспечить своего первенца. Я все сделал, что было мне по силам. Пеленки там, разные лекарства и витамины, детская комната, кроватка, коляска. Что теперь с этим всем делать?

– Успокойся! – потребовала его жена. – Ты всё делаешь правильно. И правильно то, что ты не сдаешься. – потом она снова обратилась к Маркусу, как будто именно его мнение для неё было важным. – Роды должны состояться со дня на день, вот мы и уезжаем из этого города, ведь остальной свет проживет ещё сутки. Может быть успеем.

– У нас теперь нет машины! – крикнул отец. – Радиатор оторвался нахрен, так что придется остаться здесь, в этом проклятом городе!

– Возьмите мою. – предложил Маркус, – Она всего навсего потеряла заднее крыло, но все же способна увести вашего ребенка к жизни.

Мужчина, который хотел недавно накинуться на Маркуса, услышав это предложение, посмотрел на него, как бездомный котенок на человека. Во истину, мужчины беременных женщин, как сами женщины.

– Это щедро, но разве так можно? – ответила Маркусу женщина, – А как же вы будите без машины?

– Разве этот роскошный автомобиль может мне сейчас

чем-либо помочь? Не думаю, – ответил на свой же вопрос Маркус, – вам он нужнее, вы ведь человека пытаетесь спасти. – делая акцент на живот женщины, договорил он.

– Все же... – попыталась возразить она, но Маркус взял её под локоть и медленно подвел к машине, открыв дверь и галантно приглашая воспользоваться его машиной.

– Ключи в замке зажигания. – обратился он к ошеломленному отцу, который не мог поверить, что поменял свой разбитый, недееспособный седан, на великолепный автомобиль с одним разбитым задним крылом. – Надеюсь этот немец вам поможет.

– Слушай, ты это, прости меня... – почесывая облысевший затылок, невнятно проговорил отец не рожденного сына.

– Я всё понимаю, а значит не осуждаю.

Смущаясь и благодаря, молодые родители, множество раз извинившись напоследок, продолжили покидать город на машине Маркуса, надеясь, что, их ребенок успеет увидеть этот свет, если ему предоставит ещё один день. Маркус остался стоять на тротуаре, он ни капельки не переживал об утрате своей машины. «На кой черт она мне сдалась теперь!» – подумал он.

– Почему вы так невозмутимо повели себя, когда сбили меня? – напомнил о себе пожилой человек.

– Что, простите? – переспросил Маркус, так как из-за собственных мыслей не услышал рядом стоящего человека.

– Я говорю, что вы совершенно не переживали о том, что сбили живого человека. Почему?

Маркус хотел сначала ответить по мягче, но никак не мог подобрать слов, поэтому выпалил то, что первое пришло в голову:

– Вам собственно говоря не все ли равно умирать сегодня или завтра?

– Если честно мне уже всё равно, я своё отжил несколько лет тому назад, но все же вам, как человеку молодому, негоже думать так равнодушно о смерти. Вы должны жить, тем более в свой последний день! Не тратьте его на меланхолические мысли – мой вам совет! Время сейчас как-никогда дорого!

– Что толку от этого времени, если я не знаю, на что его потратить!?! – возразил Маркус, – Если вам ненужна моя помощь, – намекнул он на ушибленную руку старика, – то я, с вашего позволения, побреду доживать свой последний день. – Маркус, не став ждать ответа, сунул руки в карманы брюк, и пошел прочь от старика, понуриив голову, под лучами, в последний раз для этого города, восходящего солнца.

– Молодой человек! – окликнул его старик.

Маркус полуобернулся, приготовившись слушать.

– Если не знает, как потратить своё время, найдите себе женщину. С нею появляется смысл.

### 3

«Прям как моя бабушка. – думал Маркус о старике, неспешно шагая по узкому тротуару, вдоль городских дорог. – Она тоже говорила мне, чтобы я нашел себе женщину, иначе жизнь не обретет смысл. А потом она умерла на шестьдесят пятом году жизни. Не сказать, чтобы это было неожиданно, ведь она умерла от рака легких, потому что выкуривал по две пачки сигарет за день, но смерть всегда ошарашивает своим визитом, даже если она забирает больного и пожилого человека. К ней никак нельзя подготовиться. Мне тогда было двадцать и я уже не стесняюсь выкуривал пачку в день, но сразу же после её смерти бросил. Найди себе женщину! Что за бред! Человечество молча стоворилась передавать эту глупость из поколения в поколение? Женщина – это ведь не потерянная кем-то связка ключей! Как можно найти женщину, ведь её никто не терял, вот они все передо мной, как на ладони! Сколько их было за мою короткую жизнь? Пять, семь, десять? И ни одна из них не принесла в мою жизнь смысла! Хорошо хоть скоро всё это кончиться...»

Размышления Маркуса прервала молодая девушка, которая решительно приближалась к нему, оставаясь незамеченной, пока подойдя вплотную, она не обвила руками его голову и не впилась в губы. Несколько мгновений от неожиданности Маркус ничего не мог поделать. За это время язык

незнакомки успел бегло познакомиться с языком мужчины, но вскоре Маркус отстранил её от себя, отмечая то, с какой силой она повисла на нём:

– Вы с ума сошли? Что вы делаете?

– То что мы оба хотим! – Быстро проговорив эти слова, она вновь прильнула к нему, чтобы продолжить изучение его ротовой полости, но он снова воспротивился.

– Да кто ты такая, черт возьми! – отклеивая силой её от себя, выражался Маркус.

После того, как её штурм обернулся неудачей, девушка осталась стоять на расстоянии одного шага от Маркуса и, тяжело дыша, смотрела ему в глаза. Она смотрела на него так, словно умоляла его не останавливать её, но он остановил, и вот они молча стояли друг напротив друга. Вскоре её взгляд сменился с умоляющего на ненавидящий, а ещё через мгновение она заплакала, закрыв личико с острыми скулами и впалыми щеками, тонкими ладонями.

– Неужели я недостаточно хороша? – она говорила сквозь ладони, так что звук получился глухой, словно она говорила в бочку.

Она была молодой, не старше двадцати. Высокая для девушки, но все же ниже Маркуса. Плоская грудь, плоский живот, небольшая попа, тонкие ноги. Черные и прямые волосы слегка не доставали до хрупких женских плеч, которые сейчас вздрагивали от её слез. На ней была темных тонов майка на размера четыре больше, чем требовалось девушке, и

узкие зеленые джинсы, подвернутые внизу трубочкой, оголяя белоснежную кожу её голых щиколоток. На босых ногах красовались красные кеды. Вольнодумное поколение воспитанное Америкой, не стесняющееся в самовыражении.

– Что с тобой? – осторожно спросил Маркус, сохраняя дистанцию.

– Ничего! – рыдая, выдавила она.

«Наверное, она под наркотиками.», – решил он, и попытался осторожно оставить её одну, мелкими шажками, отступая назад, как будто испытывая шаговое напряжение.

– Обнимите меня, пожалуйста. – жалобно попросила девушка.

Маркус остолбенел. После этих слов, вернее после интонации, которой они были произнесены, он чувствовал, что не вправе оставить её одну, и уж тем более не обнять девушку – это настоящее преступление. А она продолжала говорить ломающимся от слёз голосом:

– Если вы меня не обнимите, я покончу с собой!

На самом деле Маркуса не сильно взволновал её ультиматум, но она вызвала в нём прилив какой-то непонятной для него самой слабости. Так же медленно, как и отступая недавно, он зашагал к ней. На этот раз она на него не бросилась, когда он оказался рядом. Маркус сам плавным движением обнял её, оставив свои руки на уровне её лопаток. При соприкосновении с жаром её тела, Маркус ничего не почувствовал. Даже запаха её духов он не уловил, правда бы-

ло странное ощущение, что он слышит слабый запах хлорки, но он в это не поверил, так как это было очень странным в нынешней ситуации. А вот девушка почувствовав себя в его объятиях, так же быстро, как и напряглась недавно, обмякла и, прижавшись щекой в его грудь. Затем она ловко и быстро поправила своими руками его руки, оставив их на уровне своей поясицы. Сразу же после этого, она перестала рыдать, и глубоко вдохнула воздух, успокаиваясь, словно маленький ребёнок, который получил желаемое.

– Как вас зовут? – спросила она, по-прежнему прижимаясь к его груди.

– Ты не находишь, что этот вопрос был бы более уместен в самом начале?

– Какая уже разница что было в начале, пусть даже это было минуту назад? Этого все равно уже не изменить, так что забудь, и скажи мне как тебя зовут.

– Меня зовут Маркус. А тебя?

– Вы спрашиваете меня, потому что тебе важно знать, или потому что так принято?

– Мне это действительно важно. – он лгал.

– Я – Натали. Приятно познакомиться.

– Уж а мне-то как приятно. – он закатил глаза, пользуясь тем, что она, уткнувшись ему в грудь, не видит его лица.

– Ты мне нравишься!

Маркус подавился слюной. Он конечно ожидал, что последний день жизни будет изрядно отличаться от всех

остальных, и встреча с молодыми родителями, в спешке покидающими этот город, надеясь успеть родить, если выиграют ещё одни сутки, его в этом убедила окончательно. А вот ещё и Натали туда же. Он аккуратно отлепил её от своего торса, придерживая за плечи, потому что очень сильно захотел в этот момент взглянуть ей в лицо.

– Ты ведь меня совсем не знаешь! Как я могу тебе нравиться?

– В том-то и дело, что только незнакомый человек и может нравиться!

– Ладно, хорошо. – успокаивал он сам себя, – Чем же я тебе смог зацепил?

– Потому что молодым девушкам нравятся моральные уроды. – без тени смущения сказала она.

Маркус почувствовал, как закипают его мозги от не понимающей.

– Просто прекрасно! – воскликнул Маркус, – Значит я – моральный урод!? Это ещё почему!?

– Ты ко всему безразличный человек, а это – то ещё уродство!

– Как ты это смогла выяснить?

– Я это узнала, когда целовала тебе, и когда ты обнимал меня.

Его руки соскользнули с её плеч и безжизненными веревочками упали по швам его брюк. Он молча смотрел на неё, не находя слов, чтобы ответить на её замечание, потому что

он знал, что она права.

– Ты покинешь этот город? – спросила она, легко сменив тему. – Так многие делают, чтобы прожить ещё сутки.

– Не вижу смысла в ещё одном дне. А ты как?

– Я останусь, у меня кое-какие дела не законченны, а ещё мне просто лень уезжать. – она изобразила улыбку, которая была резким контрастом подтекам туши после слёз. – Проведём этот день вместе? Если конечно вы не заняты... Другой.

Её внешность была ему симпатична, да к тому же Маркус не знал, как провести эти сутки.

– Я абсолютно свободен, но мы ведь незнакомы...

– У нас есть время познакомиться.

Маркус всплеснул руками, принимая их встречу, как неизбежность:

– В таком случае, чем мы займемся в последний день жизни?

Она вновь подошла к нему вплотную, обвив руками его плечи, чтобы ещё раз соприкоснуться языками, но на этот раз он не сопротивлялся, а очень даже наоборот. После продолжительного поцелуя, она первая отстранила свои губы, чтобы прошептать ему на ушко:

– Для начала мы напьемся, потом бесполезно, но весело проживем этот день, а напоследок займемся сексом в самых разных позах, которые только придут к нам в голову.

– Не самое плохое времяпровождение.

Сделаем то, что должен был сделать Маркус, а именно познакомимся со стариком, пострадавшим от недавнего автомобильного происшествия, поближе. Зовут этого человека Михаил Викторович. Он невысокого роста, как и многие старики. Совершенно седой. В то раннее утро он был одет в строгий костюм, какие носились в семидесятые. И самое главное, он был вдов.

Со своей единственной женой он прожил сорок восемь лет под одной крышей, и это при том, что они были знакомы ещё с детства, будучи одноклассниками. В шесть лет они впервые встретились в одном классе, а шесть лет назад она умерла от инсульта. Других женщин в его жизни не было. Сейчас ему семьдесят и он, как всегда на протяжении последних шести лет без неё, ранним утром шел открывать их общую сувенирную лавку.

Они открыли её благодаря совместным усилиям пятнадцать лет назад, будучи вдвоём на пенсии. Он в домашних условиях изготавливал всевозможные изделия из дерева: цветы, животных, маленькие машины, а она заведовала сбытом рукоделия Михаила Викторовича, являясь продавцом в сувенирной лавке под названием «Миша и Маша». (Машей звали жену Михаила Викторовича). После её смерти лавка переименовалась и стала называться «Мария».

Михаил Викторович не желал нанимать продавца, он сам стал исполнять функции сбыта. Конечно ему сильно помогала единственная, уже взрослая дочь, разбираясь с документами, налогами и прочим юридическим. Так что всё, что делал Михаил в последние шесть лет было изготовление из дерева сувениров и их продажа. Дело это было не прибыльное, но принципиальное. Изначально, после выхода на пенсию это ремесло стало излиянием души, способом не потеряться в жизни для двоих пенсионеров, но после смерти Марии – смыслом оставшейся жизни. Так что когда он говорил Маркусу, что отжил свою жизнь несколько лет назад, он не лукавил. Всеобщий конец света естественно Михаила Викторовича никак не тревожил, потому что он уже пережил свой личный, так что последний свой день пенсионер решил провести, как обычно, не придумывая интриг и посторонних дел. Бывает что человек умирает ещё до того, как умерло его тело. Умирает морально, лично.

Рука болела в ушибленном месте, но он не обращал на боль внимание, так как последние лет десять у него постоянно что-то болит. Если бы его не сбила с утра машина, то болело бы что-нибудь другое. Всегда что-нибудь болит.

После расставания с Маркусом, Михаил ещё час шел своим неспешным старческим шагом, прихрамывая на правую ногу. Хромать он начал девятнадцать лет назад, когда впервые в жизни, по просьбе Марии, попробовал встать на коньки, она была огромным любителем этой зимней забавы. Все-

го семнадцать минут потребовалось ему для того, чтобы повернуть лодыжку и поломать одну из костей, учитывая возраст в котором случился этот инцидент, хромал Михаил до сих пор. В тот вечер они из-за этого поругались так, как ругаются старики – громко, но несерьезно, потому что знают, что кроме друг друга у них никого нет.

К своей сувенирной лавке Михаил Викторович уже много лет ходил одним и тем же маршрутом, хотя он был длиннее наилучшего в полтора раза. Объяснялось это тем, что старик поворачивал в городской парк – это было его любимым местом в городе. Здесь он чувствовал себя живым человеком, важной частью природы, а не дряблой шестеренкой в механизме жизни. Ранним летним утром одиноко шагать среди зелени, умываемой росой, в тишине, без рёва многотысячного города, по тропинкам, застеленными прозрачным туманом, было наслаждением для Михаила. Он был один на один с природой и это было его утопией. Он словно слышал природу, мог с ней разговаривать. И чем старше он становился, тем явственнее и отчетливее становились разговоры. Пожалуй, ему нужно было бы переехать в деревню, но в городе его держит сувенирная лавка.

Вот и сегодня Михаил Викторович свернул в парк, но идиллии не получилось. Сегодня здесь было многолюдно, и возгласы разрозненной толпы перекрикивали голос природы. Старик удрученно склонил голову и неспешно пошел, глядя под ноги, бросая иногда унылые взгляды на деревья,

которые сегодня молчали. Только запах росы, единственное, что напоминало ему привычное утро. Но Михаил Викторович был смирен и мудр, поэтому не сильно расстраивался.

– Видимо не поговорим мы с тобой напоследок. – произнёс он вслух, считая, что молчит.

В это время внимание Михаила привлёк писклявый детский голосок:

– Мама, смотри, старик сам с собой вслух разговаривает!

Михаил посмотрел в сторону, откуда раздался голос и увидел, как на него указывает пальцем маленькая девочка лет пяти. Моментально мама, к которой обращалась девочка, отдернула руку дочки и, поймав на себе взгляд Михаила Викторовича, густо покраснела. Между ними было расстояние в четыре шага, и мама поспешила извиниться:

– Простите, пожалуйста, – сказала она, сторя от стыда, – девочка ещё совсем ребенок.

– А мы сегодня все, как старики, – поделился Михаил Викторович своим умозаключением, – экономим время. В такую рань обычно только старики просыпаются, а сегодня все на ногах.

– Если честно я бы лучше поспала, – призналась мама, улыбаясь, – меня сюда приволокла дочка. Мне иногда кажется, что детям сон не нужен.

– Опять-таки из-за экономии времени, они не спят, потому что им нужно многое узнать. А вот вы, познакомившиеся с этим миром, но не успевшие осознать его скоротечность,

тратите много времени для сна, а ведь пока ты спишь, ты не живешь, но продолжаешь умирать.

– Давайте не будем о грустном. Только не сегодня.

Михаил Викторович предпочёл ничего не отвечать, и пойти дальше. Через пол часа прихрамывающей ходьбы он добрался до сувенирной лавки. Над входом красовалась двухметровая в длину табличка, сделанная руками старика из дерева, с именем «Мария». Он вытер ноги об коврик перед парадной дверью, и зашёл внутрь.

Помещение встречало входившего запахом дерева и звонком колокольчика над дверью. Лавка состояла из двух частей: парадной, где продавались деревянные розы, солдатики, самолётики, шахматы, и другие изделия, а так же скрытой от глаз посторонних комнаты, где все подделки мастерились.

Старик переоделся и приступил к уборке помещения. Первым делом он взял стремянку, тряпку и вышел на улицу, вытереть пыль с вывески.

– Старик, ну ты нашёл чем заняться! – окликнул один из молодых людей, который вместе со своими друзьями проходили мимо. – Последний день ведь живём!

Михаил Викторович ничего не ответил, за своим занятием он вспомнил, как много лет назад предложил дружбу девочке, чьё имя теперь было вырезано на вывеске, которую он теперь с такой любовью вытирал.



Стояла суровая зима. Сухая, без снега и ветра, но страшно холодная. Второклассник Миша возвращался со школы. У него не было варежек, и потому холод обжигал его руки. Приходилось нести ранец, прижимая его к груди, а руки прятать в рукава тулупа. Как же сильно хотелось бросить этот ранец, но нельзя, ведь этот ранец носил в школу старший брат, у которого теперь растёт свой ребенок, так что ранец этот позже пригодится племяннику Миши. Но холод жжёт пальцы рук до самых костей прямо здесь и сейчас.

Внезапно пронзительный крик заставил его забыть о холоде и всецело приковал внимание ребёнка. В ста метрах от него собака скакала вокруг девочки, угрожающе гавкая и брызгая слюной. Девочка плакала и пыталась отойти от собаки, но та постоянно перескакивала с места на место, отрезая все пути отступления. Не успев подумать, Миша бросился на помощь, и только перед самым столкновением с собакой понял, что не знает, что ему делать. Как справиться с большой собакой обычному школьнику? Всё до чего Миша догадался – это бросить ранец в собаку (в этой ситуации-то можно), и то она отскочила в сторону, пропуская мимо себя пущенный в неё предмет. Двое детей оказались напротив бешеного животного, не имея возможности хоть как-то защититься. Но даже в этот проигрышной ситуации, напуганный Миша по-

ступил более чем достойно. Он собою заградил путь собаки к девочке, встав между ними. «И пусть будет, что будет!» – подумал мальчик. Но тут подросли взрослые. В момент, когда ощерившаяся собака зарычала, показав желтые клыки и приготовившаяся напасть, двое мужчин, проходивших мимо, подскочили к ней и пинками и криками прогнали прочь. Девочка долго ещё рыдала, даже после того, когда оказалась в безопасности.

– А ты смелый, пацан. – сказал один из мужиков Мише, – Не побоялся за девочку вступить. Человеком растешь!

Миша ничего не ответил, он жутко трясся от страха. Вскоре мужчины пошли своей дорогой. Спасённой девочкой оказалась Маша, его одноклассница с которой он никогда раньше не разговаривал, потому что она девочка. Он предложил проводить её, она не отказалась. Когда они прощались возле дома её бабушки, Маша сказала:

– Возьми мои варежки, а то у тебя руки замерзнут.

Мише было не ловко, и он отказался:

– Мне не холодно. – соврал он.

– Я же должна тебя как-то отблагодарить.

Следующие слова Миша сказал игриво, шутя:

– А давай, дружить?!

К его удивлению Маша восприняла вопрос всерьёз, и они дружили восемь лет, а потом ещё прожили вместе сорок восемь лет, вплоть до смерти Марии.

Закончив вытирать пыль с вывески, Михаил Викторович

вернулся в лавку. Для него самой большой ценностью являются воспоминания. Он только ими и живёт. Неважно проживёт ли он долгие годы или один день, он проживёт свой остаток в их общей сувенирной лавке вместе с воспоминаниями о Марии.

В соответствии с их неписанным ранее уговором, первый пункт которого гласил напиться, предоставленные только самим себе Маркус и Натали отправились на поиски выпивки. Можно было с легкостью раздобыть алкоголь в любом универмаге, но из-за капризов Натали, коих у этой юной леди оказалось не мало, как вскоре выяснил Маркус, пара искала исключительно достойное их внимания заведение. Натали посчитала достойным ирландский паб в самом центре города.

Заведение расположенное в шести тысячах семистах километрах от Ирландии было чересчур Ирландское. Оно включало в себя все предрассудки этой страны. Зеленый фон в оформлении помещения, лакированные стойки из красного дерева для пива по периметру, высокие круглые табуретки, повсюду виднелось изображение клевера: на столах, на стаканах, на стенах, на телевизорах, и конечно же леприконы в длинных полосатых носках с горшочками золота. Не хватало, пожалуй, только живого выступления группы U2 и постеров с Колином Фарреллом.

Входная дверь была сделана из прозрачного стекла, которое на этот момент было уже выбито. Барная стойка пустовала, в отсутствии бармена. Во всём заведении была только одна душа – мужчина, который мирно смотрел запись бок-

сёрского поединка по телевизору, в углу паба.

– Возьми что-нибудь выпить поприятнее! – отрывисто бросила Натали Маркусу, и устремилась напрямиком к единственному посетителю.

Полки с алкоголем на баре изрядно пустили в сравнении с собою же однедельной давности. В отсутствии бармена на них не красовались коллекционные бутылки с виски семи и пятнадцати лет выдержки, которые манили бы к себе посетителей. Полки были заброшены. Маркус пошарил на кухне в холодильнике, но ничего приятнее Bell's не нашел, хорошо хоть не White horse. Видимо те, кто успел вынести входную дверь до прихода Маркуса, позаботились о более драгоценном виски.

Прихватив с собой ещё четыре стеклянных бутылки Coca-Cola, он вышел из кухни, и первое что он увидел, это Натали, склонившаяся над мужчиной и жадно впившаяся в него губами, словно она целовалась последний раз в жизни (хотя может и вправду это в последний раз). Она стояла над своей очередной жертвой, наклонившись почти пополам, руками упираясь в его колени. Мужчина явно был застигнут врасплох, как и Маркус совсем недавно, но в отличии от Маркуса он не отстранялся от горячей девушки. Неизвестно, как поступил бы другой мужчина на месте Маркуса. Может быть негодовал и помешал бы этому поцелую, но ему было до лампочки. Он расположился на другом столике вместе с выпивкой, развернулся спиной к целующимся и, открыв виски с

колой, предпочёл смотреть боксерский поединок.

Только он успел удобно расположиться, смешать в оптимальных пропорциях алкоголь, как белого боксера послал в нокаут афроамериканец. На ринг выбежали люди из тренерского штаба победителя, они сразу же бросились подымать в воздух боксера, заработавшего им этой победой очередное приличное вознаграждение. На опухшем от гематом лице победителя красовалась беззубая улыбка. Моментально на ринг вынесли пояс, заслуженный боксером. По рукам людей, скопившихся на ринге пустили микрофон и они по очереди поздравляли победителя, выражали благодарность за столь красочный бой и так далее, и тому подобное. Разочарование-то какое, смотреть, в забытом Богом пабе, награждение боксера-победителя. Есть ли что-нибудь нуднее, чем церемония награждения победителя. Почему её постоянно показывают? Кто её смотрит? Церемонию награждения можно сравнить с мытьём посуды после вкусного обеда.

В этот момент Маркус услышал едва уловимую поступь Натали за его спиной. Она прошла мимо и, словно услышав мысли Маркуса, подошла к телевизору, переключив канал на музыкальный, а затем как ни в чём не бывало подседа к Маркусу.

– Я для тебя совсем ничего не значу? – округлив глазки, спросила она.

Первым делом Маркус посчитал, что этот вопрос был связан с его безразличием по-поводу её поцелуя с другим муж-

чиной, но Натали быстро его разубедила:

– Ты даже не налил мне выпить!

– Справедливое замечание. – кивнув головой, Маркус согласился и вскоре исправился.

Натали сидела на табуретке словно на иголках. Она елозила из стороны в сторону, постоянно мотала головой вокруг, куда-то оглядываясь в поисках чего-то, барабанила пальцами по столу, перебирала ногами. Она была бесконечным потоком энергии никуда не направленным. От этой женщины, не смотря на её молодой возраст, веяло роковой опасностью, которая присуща взрослым и солидным дамам. Натали была хищницей, с которой не каждому мужчине по силам справиться. После того, как её стакан наполнился, она моментально его опустошила, и Маркусу пришлось повторить выпивку.

– Ты целуешься лучше, хоть и менее пылко. – ни с того, ни с сего заметила она.

– Ты всегда такая, как сегодня? Я имею ввиду твою бесшабашность. За неполный час ты успела повисеть на двух незнакомых тебе мужчинах, это для тебя нормально?

– Нет, обычно я не такая, но хотела бы такой быть. Менять мужчин как можно чаще, чтобы как можно большему их количеству навредить! И сегодня очень удобный случай стать собою. Заметил, как мало людей сегодня вышло на работу?

– Это да, никто не хочет тратить последние часы жизни на свою постоянную работу.

– Что нам это говорит о работе? То что дерьмо это, а не работа! Прошу простить меня за выражение, это всё от нервов. Вообще, работа в моей голове воспринимается, как рабство двадцать первого века! Ты насилуешь сам себя, каждое утро просыпаясь под звон будильника, уезжаешь из своего дома в неведомую даль, по пути трясешься в общественном транспорте с такими же, как и ты неудачниками, чтобы провести большую часть твоей, по сути короткой жизни, за занятием, которое не доставляет тебе удовольствие, и всё ради того, чтобы твой начальник купил себе машину подороже или хозяин квартиры, которую ты снимаешь, заплатил очередной кредит! Но самое страшное в этом рабстве то, что его не воспринимают, как рабство. В обществе распространилось мнение о том, что работа – это почетно! В итоге вырастает поколение за поколением, не осознающих своё истинное положение, рабов. Армия продавцов, работники общепита, бесполезные охранники, полчища уборщиков, тысячи бухгалтеров и банкиров. И если в реальном рабстве зло, против которого можно восстать, на лицо, то в рабстве двадцать первого века зло невидимо, и в этом огромная его сила. Кто-то может сказать, что в отличие от рабов, он получает деньги, позволяющие ему существовать, но, заметьте, ведь и рабов кормили. Здесь нет надзирателей и рабовладельцев, но всё же есть насилующий каждое утро звон будильника.

– Ты как будто успела уже поработать не один десяток лет. Твоё время ещё не пришло для того чтобы так говорить, ведь

ты толком нигде не работала, а значит твои слова не состоятельны.

– Как раз самое время для того, чтобы мне так говорить. У меня нет кредитов, нет детей, я ни кому не должна, а значит свободна и способна трезво оценивать картину жизни. Моё мнение ни подкупно и ни предвзято.

– И всё же ты ошибаешься. Работа – очень важное составляющее звено в жизнедеятельности общества. Человек без работы перестаёт быть человеком.

Натали наклонилась вперед, ближе к Маркусу, повисая над столом и выделяя каждое слово отчеканила:

– Если работа так важна, то почему же последний день жизни никто не хочет тратить на неё. – сказав это, она вновь отпрянула назад, усаживаясь поудобнее, – Где бармен? Где охранник этого паба, дверь которого с утра пораньше вынесли? Где общественный транспорт на улице?

Маркусу нечего было возразить, да и не хотелось, ему ведь всё безразлично:

– Просто признай, что есть что-то важнее работы. – подытожила Натали.

– Если это для тебя имеет значение, то да, на белом свете работа не самое главное.

– Почему ты не уехал из города и не выиграл ещё один день у этой жизни? – молниеносно сменила тему Натали. Казалось, темы для разговоров бурлят в её голове и она не всегда могла ими управлять.

– А ты? – так же быстро парировал Маркус.

– У меня в этом городе незаконченное дело.

– Чтож, а у меня в других городах нет ни одного важного дела.

В их разговоре возникла пауза, которую прервала девушка:

– И ты даже не поинтересуешься какое у меня дело? Тебе совсем-совсем безразлично?

И тут-то в их диалог вмешался единственный посетитель паба, который неловко и с сомнениями медленно подошел к беседующей паре и спросил:

– Вы не будите возражать, если я сяду вместе с вами? – по существу, он больше обращался к Маркусу, как будто только Маркус решал кому и где сидеть.

– Мне абсолютно до лампочки! – сказал Маркус, отвечая на вопрос Натали, нежели на вопрос подошедшего мужчины.

– Я бы не осмелился к вам присоединиться, если бы не заметил, что вы друг другу чужие люди. – начал разговор подошедший мужчина.

– Это так сильно заметно? – спросила Натали.

– Очень. Итак, если уж вы друг другу чужие, то пожалуй я не буду лишним за вашим столом. Просто хочется с кем-нибудь провести время. Меня зовут Данил.

Данил был ровесник Натали. Он был низкий, щуплый и слабый. Скорее всего в жизни ему приходилось несладко. Одним словом бедолага. В это утро он был уже изрядно пьян.

– Очень приятно. – сказал Маркус, которому было совсем неприятно, – Она – Натали, я – Маркус.

– А ты почему не уехали из этого города? – спросила у Данила Натали. – Тебя здесь что-то держит или нечего не ждёт в другом месте?

– Меня настолько ничего не ждёт в другом месте, что я даже предпочёл приехать в этот город.

– То есть, ты сознательно предпочёл встретить смерть пораньше? – спросил Маркус.

– Можно сказать, что да.

– Чем же ты руководствовался, когда принимал такое решение? – вздёрнув брови, заинтересовался Маркус.

– Тем, что не вижу смысла в ещё одном дне. Всё равно скоро всё закончиться.

Маркус в сердцах закатил глаза. Перед ним сидел очередной молодой придурок, которой, толком не начав жить, считал свою жизнь сплошной проблемой. Эти люди почему-то думают, что к ним относятся несправедливо, и предпочитают, ничего не делая, жалеть себя вместо того, чтобы бороться за счастливое будущее. Мерзкий тип людей, который кроме раздражения не способен пробудить других чувств при встрече.

– Странная логика: смысла в одном дне ты не видишь, и поэтому решаешь лишить его себя, отправляясь в чужой город. Что-то другое должно было тебя побудить на такое путешествие.

– Просто я уже сыт по горло этой жизнью!

– Вот это уже ближе к истине.

Данил пристально всмотрелся в Маркуса, оценивая его, можно ли ему рассказать всё, что на душе. Пьяный взгляд Данила решил, что можно:

– Я пресытился несправедливостью этой жизни! Когда у одних есть всё, и для этого им не потребовались хоть какие-то усилия, а у других ничего, сколько бы много те не старались работать. Работа, кстати, это сплошное разочарование. Меня расстраивает то, что бедные люди толстеют, так как дешёвая еда состоит сплошь из химических заменителей. Меня расстраивают все войны на планете и тем более то, что кому-то это может быть выгодно. Бесят новости по телевизору, которые рассказывают правду угодную правящему режиму. Мне надоели люди, которые всю мою жизнь потешаются над моей слабостью...

– Я понял. – прервал его Маркус. Такие, как Данил, могут днями напролёт говорить о неправильных вещах, но никогда ни пошевелятся, чтобы что-то изменить, именно поэтому их невозможно слушать. – В таком случае, ты абсолютно правильно сделал, что приехал в этот город. Тебе действительно незачем жить ещё один день.

Данил иронию прослушал.

– Я вот тоже абсолютно согласна по-поводу разочарования в работе. – вставила в разговор Натали.

– Вам молодым лишь бы не работать. – заметил Маркус.

– Ты особо тоже не устаешь сегодня. – ответил ему Натали.

– Мы об этом уже достаточно говорили.

– Действительно, достаточно разговоров, – обратил на себя внимание Данил и повернулся к Натали, – А поехали с тобой в отель?

Девушка от такого мгновенного обращения пьяного и жалкого парня выпучила глаза, а вскоре и рассмеялась, отвечая:

– Пожалуй, я откажусь.

– Эх, так всегда. – пролепетал Данил, склонив голову на грудь.

– А почему бы и нет, ты говорила не так давно, что хотела бы быть той, которая с легкостью меняет мужчин. – подловил её Маркус, – Так что дерзай. Сегодня ведь прекрасный шанс. Если тебя кто-то и осудит, то он непременно умрёт завтра.

– Он не в моём вкусе.

– Это ты сразу после поцелуя так решила?

– До нашего поцелуя он не так много жаловался. Что может быть ужаснее мужчины, который только и делает, что жалуется?

– В таком случае следует оставить его одного. – договорив эти слова, Маркус бросил взгляд на Данила. Пьяный мужчина за короткий промежуток времени успел уснуть сидя. – Он не будет против.

Натали бесшумно встала из-за стола и на цыпочках обо-

гнула Данила. Маркус выпил остатки виски в стакане и, не церемонясь, последовал за девушкой, по пути толкнув уснувшего.

К этому моменту солнце поднялось высоко, и лучи его уже не просто разгоняли утренний туман, а сильно припекали кожу прохожих, словно злясь на них из-за того, что те мешают достичь земли. В последнее утро дворы и дороги города были щедро одарены солнечным светом. Горизонт во все стороны простирался светло-лазурным пледом, нигде не было видно даже подозрения на облачко. Прекрасный летний день, который отлично подошёл бы для пикника за городом вместе с семьёй. Для посещения городского парка, его тенистых аллей и аттракционов. День прекрасен, если не считать того, что он последний. Хотя этот факт должен только обогатить его. Дефицит всегда обостряет чувство вкуса. А уж такой продукт, как время, не нуждается в излишней аннотации. Время нужно всем.

Выйдя из ирландского паба, пара героев отправилась куда глаза глядят. У них не было четкого плана действий, им нужно было просто прожить ещё один день. Натали взяла руку Маркуса и положила себе на плечо. Выпитый виски ударил в голову, и поэтому во время ходьбы она сильно повисала на своём новом мужчине.

– Мне почему-то кажется, что кругом пахнет хлоркой. – завел диалог Маркус. – когда мы сидели в пабе, меня от него воротило, и даже сейчас на улице этот запах по-прежнему

меня преследует.

– Это повод ещё больше напиться, чтобы ничего не чувствовать. – с пренебрежением отнеслась к его словам Натали.

– Почему ты хочешь быть ветреной и бесшабашной девушкой? Тебе это нравится?

– Это ведь божественно! Целоваться, обниматься с мужчинами, думать о сексе и заниматься им. Пока жив последний человек, живой будет похоть. Разве нет?

– Это очень приятно, однако не совсем прилично вешаться на каждом встречном. Это не принято обществом.

– Почему это доступ к процессу, доставляющий тебе огромное удовольствие, должен быть навязан обществом?

– Потому что этот процесс помимо удовольствия доставляет ещё и новых людей, а, следовательно, новое общество. Если новые люди будут рождаться от похоти, а не от принятого обществом множество лет тому назад нравственного пути, то в результате планету населит ужасное племя. Только представь, что было бы с тобой, если бы у тебя вместо любящих папа и мамы, были бы подростки, которым было просто по кайфу заниматься сексом, а ты всего лишь незапланированный результат. Какое общество населило бы наши города? В конце концов, что стало бы с планетой в целом?

Натали грустно вздохнула:

– Тут-то и собака зарыта. Ты прав. Поэтому я не могу быть бесшабашной, а вернее не могла, ведь в последний день жизни времени думать о нравственности совсем нет. Куда

уж там! Тут успеть хотя бы лишний глоток воздуха сделать, не то чтобы выполнять какие-то строгие догматы. Только в таких условиях раскрывается истинная сущность человека! Когда нет времени для притворства, нет будущего, ради которого стоит от чего-то воздерживаться в настоящем, когда плевать на мнения общества и все возведенные им табу, потому что всё общество вскоре вымрет вместе со своими правилами. Наше с тобой, Маркус, положение способно наглядно продемонстрировать всю животную сущность человека.

Внезапно Маркус остановился на месте, отчего Натали, опирающаяся на него при ходьбе, пошатнулась, едва не упав.

– Ты чего?

– Светофор красным горит.

Натали посмотрела на светофор, на Маркуса, потом вновь на светофор:

– Очередное общественное правило? – вздернув брови, спросила она. – Боишься, что тебя оштрафуют полицейские?

– Нет, просто у меня возникла идея.

– Ну так озвучивай!

– Предлагаю сыграть в игру «красный светофор». Так как у нас на двоих с тобою ни одного дела в последний день, то эта игра добавит хоть капельку смысла в бесцельную прогулку.

– Вообще-то, я говорила тебе, что у меня есть одно незаконченное дельце. Но мне стало жутко интересно, что это за игра такая, о которой я ничего не слышала ранее, в чём её

суть, какие правила?

– Всё очень просто, мы продолжаем гулять, останавливаясь на каждом красном сигнале светофора, и целуемся, пока не загорит зеленый.

– Звучит заманчиво, – прокомментировала Натали, вновь посмотрев на светофор, который в этот момент разрешал идти. – Ты сам это придумал?

– Наверяд ли. Я думаю, что кто-то до меня уже придумал эту забаву. Ничто не ново под луной. – процитировал Маркус классика.

– Тогда ты у кого-то своровал очень лакомую идею.

– Главное правило плагиата: воровать у совсем забытых или никому неизвестных людей, иначе тебя могут обвинить в плагиате!

– И когда начнём игру «красный светофор»?

Маркус промолчал, он наблюдал за сигналом пешеходного светофора и сразу же, после появления красного человечка, впился в губы Натали, прижав девушку к себе. Время до разрешающего показания светофора пролетело незаметно.

– Расскажешь мне какое у тебя дело? – спросил он после поцелуя.

– Я уже думала, что ты и не спросишь. – с облегчением произнесла Натали, – Обязательно расскажу, но только после. Сейчас я вижу светофор, пойдём скорее туда. – довольная пролепетала она, взяла Маркуса за руку и повела за собой.

Некоторое время двое взрослых людей только и жили тем, что ходили от светофора к светофору, пинали бутылки под ногами и разговаривали ни о чём.

\* \* \*

Данил пробудился вскоре, после ухода главных героев. Он даже и не заметил, что спал, поэтому долго не мог сообразить, куда подевались Маркус с Натали. Но зато сразу же после пробуждения натолкнулся на недопитый виски, который употребил по назначению.

Пребывая один на один с собою, он задумался о конце света и от этого ему стал мерзко и тошно. Должно быть это очень ужасно, знать свою смерть наперед и не иметь возможности её предотвратить. Но меланхолию Данила вызывала не столько данная ситуация, сколько сама личность Данила. Так же как и Маркуса, его ничего не интересовало, ничего не влекло, но если Маркус испытывал простое безразличие, то Данил имел чувство отвращения. Ему не нравилась жизнь и всё, что с ней связано. Однако, стоит отметить, что жизнь у Данила была и вправду ужасной.

Природа от рождения наградила его незаурядным умом, гибким и всеобъемлющим, и, словно решив, что ему хватит этого в жизни, дала щедрое тело. А сверх того добавила слабому организму такую страшную болезнь, как эпилепсия. Стоило только прийти сознанию в его раннее детство, как

Данил только и видел, что стены больничной палаты. Мальчик часто и серьезно болел. Сам по себе его жалкий организм не мог справиться даже с самыми простейшими болезнями без вмешательства медицины. В то время, как его ровесники целую зиму проводили на улице, скатывались с горок, обкидывались снежками и лепили снеговика, он смотрел на них либо из окон районной больницы, либо с лоджии родительской квартиры.

Но был в этом и свой плюс, Данил научился читать к четырём годам. У него было огромное количество свободного времени, чтобы тратить его на сборники сказок. А к шести годам его молодой и пытливый ум стал требовать больше, и мальчик удовлетворял потребность к знаниям при помощи энциклопедий. В шесть лет он узнал, из чего состоят кольца Сатурна, в семь он знал Леонардо да Винчи не только, как черепашку-ниндзя, в восемь ему стал понятен принцип действия двигателя внутреннего сгорания, а в девять он наизусть знал всю историю двадцатого века.

И все же успехи сделанные Данилом в области познания омрачались суровой жизненной реальностью. Когда мальчик пришел в школу, то он в одночасье стал объектом для издевательств. Он был идеальным кандидатом на это роль: из бедной семьи, слабый и самый умный в классе. Он настолько соответствовал своей роли, что даже молодые учителя изредка над ним насмехались. На помощь пришла эпилепсия, которая развилась у Данила в третьем классе, и мальчика

перевели на домашнее обучение.

Поначалу учиться дома оказалось прекрасной альтернативой, которая не могла не радоваться Данила, но с такой учёбой он стал окончательным изгоем. С переходным возрастом, когда многие дети учились курить и общаться с противоположным полом, у Данила не было ни одного друга, ни одного живого человека, которому можно было бы доверить свои мысли и мечты. Его это добивало больше нежели в своё время насмешки сверстников. Энциклопедии перестали помогать, так как они предназначены для мозга, а в это время у Данила болела душа, поэтому и книги стали соответствующими. Алигьери, Уайльд, Гёте, Достоевский, Гюго, Камю.

Но самое сложное испытание предназначалось Данилу в скором будущем. Оно пришло под лучиной смерти, забравшей мать мальчика, когда тому было четырнадцать лет. После этого жизнь окончательно приобрела горький вкус, даже книги перестали помогать, последней из которых была «сто двадцать дней содома» Маркиза де Сада. Отец очень быстро женился на другой женщине, которая, как и весь свет, не любила Данила и никогда этого не скрывала.

Жизнь пошла по наклонной. Четырнадцати летний парень бросил учёбу в любом её проявлении. Он стал много времени проводить на улице, блуждая в одиночестве из одного места в другое. Его ровесники, заметив сильное изменение его личности, из-за сильной душевной боли, неестественной в столь раннем возрасте, в одночасье перестали всячески шу-

тить над Данилом, а однажды его позвали к себе взрослые двадцати летние юноши и угостили парня выпивкой и сигаретами. В тот день Данила впервые в жизни вырвало от алкоголя. Друзей у него больше не стало, зато теперь он много пил в разных компаниях и никогда его ниоткуда не выгоняли.

Конечно на долю каждого судьба уготовила достаточной количество трудностей, преодолевая которые, человек становится сильнее и выше в духовном развитии, но порой бывает так, что судьба ошибается с дозировкой и выдает больше трудностей, чем подобает определенному человеку, отчего личность его безвозвратно ломается и становится не более чем набором углеводов, белков, металлов до самой смерти. Данил был одним из тех, кому досталась ноша не по силам.

В восемнадцать он уехал жить в другой город, подальше от страшного детства. Он жил в съемной коммуналке и неофициально работал по два-три дня в неделю. Данил не хотел устраивать свою жизнь, он просто плыл по её течению, никуда не держа свой курс, практически не существуя, так что новость о конце света расстроила его не больше очередного утра. Узнав о том, что определенный город сгинет раньше, Данил, недолго думая, поехал туда, руководствуясь желанием поскорее со всем закончить и не трястись в страхе и сожалении, как все его ровесники. Да и сожалеть о пережитом, он даже при сильном желании не мог.

Допив оставшийся после Маркуса виски, Данил встрепе-

нулся и вышел из паба. На улице было людно, компании людей сновали в разные стороны. Закурив сигарету, Данил посмотрел на это зрелище и решил зайти обратно. На кухне он раздобыл алкоголь и решил остаться здесь. Какие уж тут могут быть ценности? Поскорее бы этот день прошел, а там уже ладно.

Забаву Маркуса и Натали с красным светофором прервал случайный прохожий, когда пара проходила по тротуару, вдоль типичного восьмиэтажного здания. Незнакомец вышел из-за угла этого здания, завидел их издали и направился к ним на встречу быстро и решительно.

– Простите, молодые люди, я хотел бы к вам обратиться. – начал разговор прохожий сразу же после того, как оказался рядом.

Это был мужчина примерно одного возраста с Маркусом. Он был скудно одет, его лицо покрывала густая темная щетина, а в черных волосах уже проглядывались седые волосы. Он был низким и широкоплечим.

– Обращайся, – ответил ему Маркус, – поможем, чем сможем.

Незнакомец достал из кармана шестизарядный револьвер и, открыв барабан, продемонстрировал Маркусу и Натали патроны в его каморах.

– Это Кольт Анаконда тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

– Серьезная вещь. – прокомментировал Маркус.

– Очень. – сказал незнакомец и навел дрожащей рукой оружие на людей, при этом разговор он продолжил дрогнувшим от волнения голосом, – Мне нужны ваши деньги, а от

тебя ещё и драгоценности.

– У меня нет драгоценностей! – поддаваясь панике, ответила Натали.

– Это чушь! У всех женщин есть драгоценности.

– Я ещё совсем-совсем юная женщина.

– Серёжки-то у тебя есть? Они даже у девочек есть.

– Есть. Но они не драгоценные.

– Всё равно снимай их. Давайте поторапливайтесь. Оба! – прикрикнул он, видя, как Маркус не шевелиться, в то время, пока Натали уже сняла серьги. – И чего же ты ждешь?

Маркус медленно пошарил по своим карманам и достал портмоне, но отдавать он его не спешил:

– Тебе нужны деньги? – спросил он интонацией, которой ставил под сомнение целесообразность данного воровства.

– Конечно!

– А если я откажусь тебе их отдать, что ты сделаешь?

– Застрелю тебя!

– Марк, отдай ему портмоне. Неужели тебе в нём есть нужда сегодня.

– В том-то и дело, что деньги сегодня рекордно быстро за всю историю цивилизации обесценились. – говорил Маркус, обращаясь к незнакомцу, – В обычной ситуации они помогают жить так, как тебе хочется. На них можно купить шикарную одежду, клёвую игровую приставку или помочь детскому дому. Но сегодня они просто бумага. Если тебе надо что-то купить, то сегодня ты просто можешь взять это, не

боясь последствий, и ты по-прежнему хочешь сказать, что тебе нужны деньги?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.